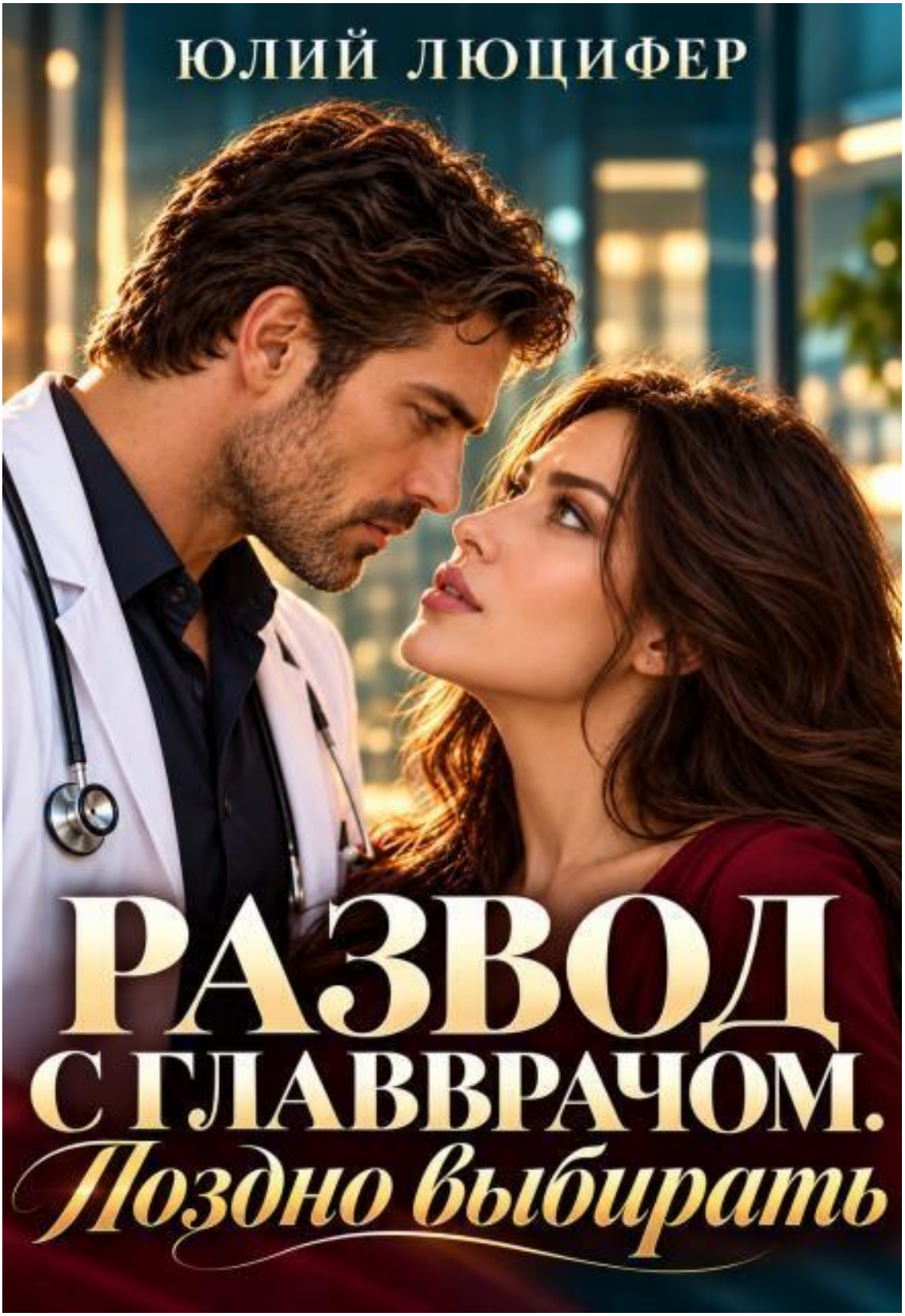
ЮЛИЙ ЛЮЦИФЕР
РАЗВОД
С ГЛАВВРАЧОМ.
Поздно выбирать

Юлий Люцифер

Развод с главврачом. Поздно выбирать

«Литнет»
2026

Люцифер Ю.

Развод с главврачом. Поздно выбирать / Ю. Люцифер — «Литнет», 2026

— Папа!Мальчик бросился к моему мужу. Дима сразу подхватил его на руки, поцеловал в макушку. Даже не оглянулся — не зовут ли кого-то другого.Ребенку было пять лет. Его мать работала в нашей клинике. Накануне она прислала мне отчет и пожелала тихих выходных.Семнадцать лет я была женой главврача. Мы растили дочь, строили клинику, выбирали новый светильник в спальню. А он все это время успевал жить еще и другую жизнь.
— Я не собирался уходить от тебя, — объяснил муж.Будто это должно было меня утешить.Но хуже всего оказалось узнать, что наша дочь несколько месяцев хранила его тайну.Я ушла. Из дома, из клиники, из привычной жизни, где без меня ничего не решалось, а самое важное решили за моей спиной.Когда другой мужчина впервые взял меня за руку, я испугалась того, как сильно мне не хотелось ее отпускать.И именно тогда Дима решил, что готов выбрать меня.

© Люцифер Ю., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Чужой папа 5
Глава 2. Домой мы вернулись втроем 14
Глава 3. Ты тоже знала 20
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Глава 1. Чужой папа

У школьных ворот мне позвонили из клиники.

Я уже выбралась из машины, прижала локтем к боку сумку с ножницами и скотчем и потянулась за телефоном. На экране светилось имя старшего администратора. До начала Алисиной презентации оставалось почти пятьдесят минут, и я ответила.

— Елена, извините, что в субботу. У нас курьер привез стойки, а они не проходят в служебную дверь.

— Собранные?

— Да. Я сказала, что мы такие не заказывали, но он показывает накладную.

— Мы заказывали именно такие, но со сборкой на месте. Попросите курьера позвонить диспетчеру. И ничего пока не подписывайте.

За моей спиной коротко посигналили. Я подвинулась к машине, пропуская мужчину с огромным картонным солнцем. Один желтый луч задел меня по плечу.

— Хорошо. А Дмитрию Викторовичу нужно сообщить?

— Нет, это ко мне.

Когда я опустила руку, сумка сползла с локтя, ножницы стукнули по дверце. На школьном заборе трепыхался баннер с надписью «День нашей семьи». По нижнему краю шли логотипы тех, кто помог провести ярмарку. Наша «Северная линия» оказалась между пекарней и магазином спортивных товаров.

Я сфотографировала баннер для нашего сайта и убрала телефон.

Дима еще утром обещал заехать ненадолго, если успеет закончить дела в клинике. Я сказала, что буду к половине первого. Но встречу с поставщиком мебели перенесли, и я приехала почти на час раньше.

По дороге я купила все, что дочь успела попросить в трех голосовых сообщениях. Черный скотч. Маленькие зажимы. Воду без газа. Еще ножницы, потому что школьные, по словам Алисы, «только для того, чтобы лежать и бесить».

Внутри двора пахло вафлями и мокрыми после утреннего дождя досками. Проход между старшим корпусом и дошкольным отделением открыли, на газоне поставили столы. Я пошла к спортивному залу в обход палаток.

Алиса стояла у стенда под длинным белым навесом и держала зубами зажим. Волосы она собрала кое-как, оставив у лица две пряди. На запястье чернела полоска краски.

— Не глотай, — сказала я вместо приветствия.

Она обернулась и вынула зажим изо рта.

— Ты уже здесь?

— Как видишь. Привезла тебе половину канцелярского магазина.

Я подняла сумку, ожидая, что дочь сразу сунется в нее за ножницами. Но Алиса посмотрела куда-то мимо меня, в сторону младшего корпуса.

— А встреча?

— Перенесли. Теперь у тебя есть лишняя пара рук.

— Подержи тогда вот здесь.

Она быстро развернулась к стенду и прижала ладонью нижний угол фотографии. Я подошла. На снимке наш сосед с шестого этажа сидел в кухне у окна и разбирал старый будильник. У него были огромные пальцы, а шестеренка на белом блюдце казалась крошечной.

— Почему так низко? — спросила я. — Его же плохо видно.

— Потому что это третий снимок. Сначала лицо, потом руки, потом вот этот. Они вместе.

— Поняла. Не командую.

— Пока командуешь.

Я покосилась на нее. Алиса чуть улыбнулась, и мне сразу стало легче. Последние недели она часто отвечала так, будто я заранее собиралась запретить все, что еще не успела придумать. Я списывала это на десятый класс, новые требования, на шестнадцать лет, в которые любая материнская фраза могла оказаться не той.

— Ножницы в боковом кармане. Вода тоже. Только сначала вытри руку, испачкаешь бумагу.

— Мам.

— Все, молчу.

Она наклонилась к сумке, а я продолжала держать угол. Фотография была неожиданно хороша. Я видела соседа почти каждый день, здоровалась у лифта, знала, что он громко слушает радио и иногда забывает закрыть дверь на лестницу. На снимке он смотрел на разобранный будильник с такой сосредоточенностью, что я невольно приблизила лицо к бумаге.

— Он сам разрешил тебе его снимать?

— Я спросила. Он сначала хотел пиджак надеть.

— А ты?

— Сказала, что тогда будильник тоже придется нарядить.

Я рассмеялась. Дочь тоже улыбнулась и взялась за скотч.

— Елена, добрый день!

Наталья Борисовна несла стопку программ, удерживая сверху полупустой бумажный стаканчик. Я освободила руку и забрала у нее кофе.

— Спасибо. А то сейчас вся наша программа будет цвета капучино. Вы к нам надолго?

— На выступление точно останусь.

— Это не выступление, — поправила Алиса. — Мы просто расскажем про работы.

— И микрофон для этого все равно нужен, — согласилась учительница. — Проверь с ребятами, работает ли он.

Наталья Борисовна взяла кофе и ушла к соседнему стенду. Я достала телефон: экран опять загорелся.

— Только не начинай, — попросила дочь.

— Я просто посмотрю.

— Ты всегда просто смотришь. Потом кому-нибудь нужен акт, потом папа просит что-то проверить, а я стою и жду, пока ты закончишь.

В сообщении из клиники было написано, что курьер дозвонился диспетчеру и вопрос решился.

Я показала Алисе экран.

— Все. Стойки спасены, приемная тоже. Теперь я твоя.

— На полчаса?

— До конца твоего рассказа про будильник.

— Там не только про будильник.

— Значит, до конца того, что не только про будильник.

Дочь взяла у меня бутылку, но открывать не стала. На ее телефоне, лежавшем рядом с пачкой зажимов, появилось сообщение. Она быстро перевернула его экраном вниз.

— Надо кое-что доделать, — сказала она. — Ты пока можешь походить.

— Похожу. Куплю нам чаю, пока не разобрали все горячее.

Я оставила сумку под стендом, поправила край куртки и двинулась к столам у дошкольного корпуса. Через несколько шагов Алиса догнала меня.

— Я с тобой. Потом вернусь.

— А микрофон?

— Там без меня проверят.

Она шла слишком близко и дважды наступила мне на пятку. Я хотела попросить ее смотреть под ноги, но увидела Диму.

Он стоял возле павильона, где малыши раскрашивали деревянные фигурки. С закатанными рукавами голубой рубашки и пиджаком на сгибе левой руки.

— Папа приехал, — сказала я дочери. — Все-таки успел.

Дима разговаривал с мужчиной в жилете волонтера. Он слушал, чуть наклонив голову, и улыбался той спокойной улыбкой, которая одинаково хорошо действовала на встревоженных пациентов и раздраженных подрядчиков. Я подняла руку, собираясь его окликнуть.

Из-за стола выскочил маленький мальчик в зеленой толстовке.

— Папа!

Он едва не сбил стул, обогнул женщину с воздушным шаром и побежал прямо к моему мужу.

Дима обернулся сразу. Даже не посмотрел, не зовут ли кого-нибудь другого. Шагнул навстречу, нагнулся и подхватил ребенка под мышки.

— Ну что, Мишутка? Успел раскрасить?

Мальчик обнял его за шею. Одна подошва мазнула по светлым брюкам. Дима прижал ребенка к себе и поцеловал в макушку.

Я остановилась так резко, что Алиса задела меня плечом.

Мальчик говорил что-то быстрое, захлебываясь словами, показывал мужу ладонь, испачканную синим. Дима перехватил его поудобнее и большим пальцем оттер пятно у него на подбородке. Затем поднял голову, и я увидела его лицо.

Он был рад.

Это длилось совсем недолго. Я еще успела заметить ямку возле его рта, расслабленный лоб, то, как ребенок удобно устроился у него на руке. Потом из-за павильона вышла Вероника.

На ней был бежевый плащ, расстегнутый поверх тонкого свитера. Длинные светлые волосы она убрала с одной стороны за ухо. В руках держала пачку влажных салфеток и маленькую машинку, облепленную кусочками пластилина.

Вероника работала у нас в клиентском сервисе. Накануне я просила ее прислать отчет по жалобам за август. Она прислала раньше срока и добавила смайлик к фразе «Тихих вам выходных».

Увидев меня, она перестала улыбаться.

— Дмитрий, — произнесла она тихо.

Он посмотрел на нее, потом туда, куда смотрела она.

Моя рука все еще была поднята. Я опустила ее.

Я ждала от Димы объяснения, после которого можно было бы выдохнуть и посмеяться над собой. Чужой ребенок ошибся. Или у них в павильоне придумали игру.

Но мальчик лежал щекой на плече моего мужа и без всякой неловкости теребил ворот его рубашки.

— Ты обещал пожарную, — напомнил он.

— Помню.

Дима ответил ему, глядя на меня.

Вероника скомкала салфетку. Со стороны музыкальной площадки донеслось: «Раз, два, проверка». Динамик коротко свистнул.

Мальчик поморщился.

— Громко.

— Сейчас перестанет, — сказал Дима и прикрыл ладонью его ухо.

Я знала эту ладонь. Утром он положил ее мне на поясницу, пока я стояла возле кофемашины. Спросил, есть ли у него чистая голубая рубашка, и поцеловал в висок, не дожидаясь ответа. Я достала рубашку из шкафа и застегнула ему тугую пуговицу на манжете.

Сейчас манжета была закатана. На внутренней стороне запястья виднелся маленький белый шрам.

— Лена, — сказал муж.

Я посмотрела на Веронику. Она стояла рядом с ним, держа детскую машинку. Никто из них не удивлялся тому, что мальчик оказался у него на руках.

— Почему он назвал тебя папой?

Муж коротко огляделся. Мужчина в волонтерском жилете уже отошел, оставив на столе папку. Женщина с воздушным шаром продолжала стоять рядом со своим ребенком. Я не знала, слышала ли она мой вопрос. Мне было все равно, пока Дима не посмотрел на нее. От этого взгляда стало стыдно, словно я произнесла что-то неприличное.

— Давай отойдем, — попросил он.

— Я спросила, почему.

Вероника шагнула вперед.

— Миш, иди ко мне. Мы же хотели посмотреть автобусы.

Мальчик крепче обнял Диму.

— С папой.

Никто не поправил его.

Я стояла возле урны с бумажными стаканчиками и смотрела на синее пятно на Димином воротнике.

— Я сейчас подойду, — пообещал он ребенку. — Побудь с мамой.

Дима осторожно поставил мальчика на землю. Тот потянулся за машинкой, и Вероника отдала ее ему. На секунду их руки оказались рядом: маленькая испачканная ладонь, ее тонкие пальцы, рука моего мужа.

Я повернулась к дочери.

Алиса смотрела на отца. Так в детстве она смотрела на дверь зубного кабинета, когда понимала, что ее «уже не болит» никто не послушает. Она стиснула бутылку, и тонкий пластик хрустнул.

— Алис…

Она немедленно опустила голову.

Дима сделал шаг ко мне и заслонил ее плечом.

— Лена, поговорим дома. Здесь дети.

Я перевела взгляд на зеленую толстовку. Вероника уводила мальчика к соседнему столу. Он несколько раз обернулся, пока она не наклонилась и не сказала ему что-то на ухо.

— Твой? — спросила я.

Муж помедлил.

— Да.

Я слышала ответ и все равно ждала продолжения. Хотя бы еще одного слова, за которое можно было зацепиться.

Дима взял меня за локоть.

— Отойдем. Пожалуйста.

Я высвободила руку и пошла к стене школьного корпуса.

Там, за углом, было тише. На низком подоконнике стояла забытая коробка с пластиковыми ложками. Из открытой форточки тянуло краской.

Дима остановился передо мной. Я подняла на него глаза, и он впервые за весь разговор отвел взгляд.

— Ты сказала, что приедешь к половине первого.

— Встречу перенесли.

Я ответила автоматически и сама услышала, как это прозвучало. Будто опоздала, перепутала адрес или не предупредила о чем-то важном.

Дима провел ладонью по лицу.

— Я не это хотел сказать.

— А что?

Он молчал. Я ждала, стараясь не смотреть на синее пятно возле его плеча. Отсюда оно напоминало след от ручки. Вечером я вполне могла бы спросить, где он так испачкался, и услышать что-нибудь про незакрытый колпачок.

— Мне нужно тебе многое объяснить, — произнес муж. — Но не за десять минут возле школьного окна.

— Он ходит сюда?

Дима посмотрел в сторону двора.

— В дошкольное отделение.

Я видела по утрам родителей у другого входа. Иногда раздражалась, когда кто-нибудь из них бросал машину прямо на повороте. Вероника могла стоять передо мной в магазине с этим мальчиком, и я бы поздоровалась, пропустила их вперед.

— Лена, ты меня слышишь?

— Слышу.

— Давай поедем домой. Спокойно поговорим. Алису я потом заберу.

От слова «спокойно» меня затошнило. Я сглотнула и посмотрела на свой рукав. Между пальцами торчала узкая черная полоска скотча. Я так и не отдала ее дочери.

— Ты хочешь, чтобы я сейчас уехала?

— Я хочу, чтобы ты села, выпила воды и дала мне нормально все рассказать.

— А ей что сказать?

— Кому?

Я посмотрела на него. Дима понял не сразу.

— Алисе, — уточнила я. — Она будет показывать фотографии. Я обещала остаться.

— Господи, Лена, какие сейчас фотографии?

Он произнес это негромко, устало. Так говорил дома, когда я пыталась вспомнить среди ночи, оплатили ли мы страховку. Привычная интонация почти заставила меня согласиться. Взять сумку, выйти к машине, оставить его решать, кого забрать, кому позвонить, что сообщить дочери.

За углом показалась Алиса. Она остановилась в нескольких шагах, прижимая бутылку к груди.

— Мам, Наталья Борисовна спрашивает, у тебя ножницы?

— В сумке. Под стендом.

— А, точно.

Дочь посмотрела на отца. Я повернула голову вслед за ее взглядом, но Дима уже смотрел на меня.

— Мы скоро подойдем, — сказал он.

Алиса не ушла.

Я сняла с пальцев полоску скотча и приклеила к краю коробки с ложками. Потом тут же оторвала: чужая коробка. Скомкала липкий кусочек в ладони.

— Я останусь, — сказала я дочери. — Ты иди. Мне нужно умыться.

— Я могу с тобой.

— Не нужно. Доделай все, что хотела.

Она еще секунду постояла, затем кивнула и повернулась к двору.

Дима наклонился ближе.

— Пожалуйста, не делай сейчас ничего сгоряча.

Я подняла глаза.

Он произнес это с настоящей тревогой. Я слышала ее, хорошо знала и прежде доверяла. Но теперь не могла понять, о чем именно он тревожился: о том, что мне плохо, что я подойду к Веронике, что кто-нибудь услышит наш разговор.

— Я собираюсь послушать дочь, — ответила я. — Потом поеду домой.

— Хорошо. Я буду рядом.

— Мне сейчас этого не надо.

Я оставила его возле окна и вошла в корпус через боковую дверь.

Внизу было почти пусто. Я дошла до туалета, закрыла за собой дверь и остановилась у раковины.

Кран не открылся. Я повернула его в другую сторону, потом увидела надпись на маленькой наклейке: «Нажать».

Вода ударила в ладони.

Я смотрела, как она уходит в слив, и пыталась вспомнить, что нужно сделать дальше. Умыться. Для этого я сюда и пришла. Осторожно провела мокрыми пальцами по вискам, чтобы не размазать тушь. От этой заботы о туши стало так противно, что я опустила лицо в ладони.

За дверью прошли две девочки. Одна жаловалась, что ей не оставили ни одного вафельного рожка. Вторая обещала поделиться своим, но только верхушкой, потому что внизу шоколад.

Я плакала тихо, пока они спорили. Даже не сразу заметила слезы: лицо уже было мокрым.

Накануне вечером Вероника звонила мне, чтобы уточнить, сможет ли в понедельник уйти на час раньше. Что-то нужно было сделать для сына. Я не спросила что. Сказала, чтобы заранее договорилась о подмене, и пожелала хороших выходных.

Сейчас я пыталась вспомнить, не стала ли она говорить тише, произнося слово «сын». Не слышался ли рядом Димин голос.

В дверь постучали.

— Можно?

Я вздрогнула и ответила:

— Да. Здесь открыто.

Вошла женщина с девочкой лет семи. Женщина быстро взглянула на меня и отвела глаза. Я отвернулась к бумажным полотенцам, оторвала слишком длинную полосу, вытерла лицо.

— Мам, а почему…

— Иди мой руки, — перебила женщина дочь.

Я вышла, не подняв головы.

В коридоре я села на скамейку. Сумка осталась под стендом, и телефон пришлось положить рядом с собой. Я вытерла ладони бумажным полотенцем.

Телефон завибрировал. На экране появилось Димино имя.

Я нажала на боковую кнопку, убирая звук.

Через несколько секунд пришло сообщение: «Ты где? Я у входа».

Я написала: «Иди к Алисе. Скоро выйду».

Потом стерла первое предложение. Отправила только второе.

Я посидела еще немного, убрала телефон в карман и вернулась во двор.

Возле стендов собирались родители. Наталья Борисовна переставляла микрофон, к которому был приклеен бумажный бантик. Алиса стояла со своей одноклассницей и слушала ее, не отрывая глаз от моей сумки под столом.

Я подошла и подняла сумку.

— Все нашла?

Дочь кивнула.

— Ты… нормально?

Я не смогла сказать «да». Слишком хорошо помнила, что только что увидела.

— Сейчас послушаю тебя. Где лучше встать?

Алиса показала на свободное место сбоку. Я встала туда. Из-за стенда не было видно павильон дошкольного отделения, и мне стало немного легче смотреть перед собой.

Дима появился через минуту. Встал рядом, оставив между нами расстояние, на которое раньше поставил бы сумку. Его пиджак уже был надет. Синего пятна на рубашке не было видно.

Он ничего не сказал.

Первой рассказывала девочка с короткой стрижкой. Она снимала двор, в котором собирались строить новый дом, и объясняла, что хотела сохранить старую спортивную площадку. Я слушала слова по отдельности, не связывая их в смысл. «Качели». «После школы». «Мы с братом».

На последних словах я посмотрела на Алису. Она стояла, сцепив руки перед собой, и терла большим пальцем костяшку указательного.

Наталья Борисовна передала ей микрофон.

— Я фотографировала нашего соседа, — начала дочь. — Он всю жизнь ремонтировал часы. Сейчас уже не работает, но…

Микрофон пискнул. Алиса отодвинула его, заглянула в маленькую карточку у себя в руке и сбилась.

Я хотела подсказать, хотя не знала текста. Уже приоткрыла рот, но дочь сама нашла нужное место.

— Он сказал, что я могу прийти, когда будет светло. Я думала, это он про фотографию. А оказалось, ему так лучше видно детали.

Кто-то из родителей тихо засмеялся. Алиса подняла глаза и посмотрела на меня. Я кивнула.

Она продолжила. Рассказала, как сначала попросила соседа посмотреть в камеру, а потом перестала его отвлекать. Как он искал маленький винт, который она приняла за пылинку. Как просил не снимать стопку лекарств на подоконнике, и она подвинула стул, чтобы в кадре осталось окно.

Я увидела это окно на фотографии. Стеклянную банку с отвертками. Полоску света на седых волосах. Увидела, сколько дочь заметила в доме человека, которого я знала только по встречам возле лифта.

Я пропустила начало ее последней фразы, но уловила конец:

— …поэтому я не стала просить его улыбаться.

Когда она закончила, я захлопала чуть раньше остальных. Дима тоже поднял руки. Я слышала его хлопки совсем рядом и смотрела только на дочь.

К ней подошла женщина из родительского комитета. Попросила разрешения сфотографировать серию для школьной страницы. Алиса ответила, что сначала уточнит у соседа, согласен ли он.

— Правильно, — сказал Дима.

Дочь быстро глянула на него и отвернулась к учительнице.

Я заметила это движение. Уже второе за сегодняшний день. Но прежде чем успела о нем подумать, муж наклонился к моему уху.

— Нам нужно ехать.

— Ей еще надо собрать фотографии.

— Лена, я могу сам забрать все вечером.

Я поставила сумку на стол и вынула из нее пустой пакет. Взяла бутылку, открутила крышку, но так и не сделала глотка.

— Я помогу.

Дима выпрямился. Наталья Борисовна что-то спросила у него о машинах, которые закрыли подъезд к младшему корпусу. Он ответил сразу, ровно, как отвечал всегда. Через несколько секунд они обсуждали, у кого из организаторов есть номер водителя фургона.

Я держала открытый пакет и не могла заставить себя опустить в него бутылку.

У него получалось говорить о фургоне.

— Мам, дай, — сказала Алиса.

Она забрала бутылку и закрутила крышку, про которую я успела забыть.

Фотографии сняли раньше, чем собирались. Наталья Борисовна сначала хотела оставить их до конца ярмарки, но взглянула на меня и разрешила забрать. Электронные копии у нее оставались. Я поблагодарила ее. Объяснять ничего не пришлось.

Алиса сложила работы в плоскую папку. Одноклассница позвала ее попробовать вафли, и она быстро отказалась.

— Ты можешь остаться, — сказала я. — Я не тороплю.

— Я домой хочу.

К машине мы шли втроем. Впереди Дима, потом мы с Алисой. Я держала сумку, дочь несла фотографии. Обычно муж забирал у меня все, что казалось ему тяжелым. Сейчас дважды протянул руку, а на третий раз перестал.

За воротами стало прохладнее. По дороге проехал автобус, закрыв на секунду мою машину. Я поискала ключи в сумке, вынула ножницы, положила обратно. Открыла боковой карман. Ключей там не было.

— Лена, — позвал Дима.

— Подожди.

Я переложила сумку на другое плечо. Потом заметила, что держу ключи в свободной руке. Нажала кнопку. Машина мигнула фарами.

Муж посмотрел на меня внимательнее.

— Давай я поведу.

— Ты на своей?

— Ее можно оставить.

Я открыла заднюю дверь, убрала сумку на сиденье и помогла Алисе пристроить папку так, чтобы она не съехала на повороте. Муж стоял у водительской двери. Мне пришлось попросить его отойти.

— Ты сейчас можешь вести? — спросил он.

До дома было пятнадцать минут по знакомому маршруту. Но даже мысль о том, что нужно следить за дорогой, показалась непосильной.

— Посижу. Потом поеду.

— Я отвезу вас.

— Дима, я не хочу сейчас с тобой ехать.

Он сунул руки в карманы, сразу вынул. Оглянулся на Алису. Дочь стояла у открытой задней двери, все еще придерживая за угол папку, которую мы уже уложили.

— Ладно. Я подожду в своей машине. Она за поворотом.

Я ничего не ответила.

Он постоял еще немного, будто ждал, что я передумаю, потом коснулся плеча дочери.

— Алис, садись к маме.

Девочка убрала руку с папки.

Я устроилась за рулем и закрыла дверь. В подстаканнике лежала Димина жевательная резинка. Он купил ее на заправке в прошлое воскресенье, когда мы ездили выбирать новый светильник в спальню. Мне понравился один, ему другой. В итоге он сказал, что все равно не отличит их после установки, и мы заказали мой.

Я отодвинула пачку пальцем, освобождая место для бутылки.

Алиса пристегнулась. Пряжка щелкнула слишком громко.

— Тебе воды? — спросила она.

— Дай.

Я отпила, закрыла бутылку и поставила между сиденьями.

Дочь достала телефон. Экран светился у нее на коленях. Я не видела, кто написал, и не пыталась заглянуть. Она прочитала сообщение и положила телефон в карман куртки.

— Папа? — спросила я.

— Да.

— Что он хочет?

— Спрашивает, как ты.

Я посмотрела в зеркало. За нами стояла чужая машина, женщина возле нее поправляла ребенку шарф. Димы видно не было.

— Скажи, что я сижу в машине. Если ему что-то нужно, пусть пишет мне.

— Хорошо.

Алиса отправила сообщение. Я ждала, что она заговорит. Спросит о мальчике, о Веронике, повторит то, что я сама еще не могла до конца понять. Но она снова убрала телефон и принялась разглаживать складку на джинсах.

От ярмарки доносилась музыка. Я закрыла свое окно, и мелодия почти исчезла.

— Хорошие у тебя фотографии, — сказала я.

Дочь повернула голову.

— Мам, не надо сейчас.

— Я правда так думаю.

— Я знаю.

Она сказала это тихо. Я посмотрела на ее руки. Черная полоска краски на запястье уже стерлась наполовину. Под ногтем застрял клей от скотча. Еще утром я собиралась после ярмарки предложить ей зайти в кафе, в которое она давно просилась, и не напоминать по дороге об уроках.

Мы могли бы уже ехать туда.

— Ты видела его раньше? — спросила я.

Алиса перестала тереть ноготь.

— Кого?

— Мальчика.

— Папа тебе сам все расскажет.

Она ответила быстро и сразу прикусила губу.

Я повернулась к ней. Дочь смотрела в боковое окно, за которым две женщины разбирались, где оставили машину. Одна смеялась, показывая брелок. Алиса смотрела на них так старательно, будто от нее требовалось запомнить каждое движение.

Возле павильона она тоже отвела глаза, встретившись взглядом с Димой.

Я вспомнила хруст бутылки в ее руке. Вспомнила, что она не спросила, почему чужой ребенок называет ее отца папой.

— Алиса.

Дочь вжала голову в ворот куртки.

— Посмотри на меня.

Глава 2. Домой мы вернулись втроем

Алиса посмотрела на меня, и следующий вопрос я не задала.

Она сидела так близко, что я видела маленькую царапину под ее нижней губой. Утром я велела не трогать прыщик. Она закатила глаза, сказала, что ей не пять лет. Теперь дочь прижимала к этому месту палец, будто собиралась закрыть себе рот.

— Ладно, — сказала я.

— Мам…

— Сейчас поедем домой.

Я не могла одновременно вести машину, спрашивать дочь о чужом ребенке и справляться с тем, что она боялась мне ответить. Впервые за много лет я отчетливо поняла, что не могу. Поэтому еще несколько минут мы сидели на парковке, пока я не перестала путать поворотник с дворниками. Потом я включила навигатор на знакомый адрес и выехала вслед за синим автобусом.

Дима ждал на выезде. Его машина двинулась за нами.

На светофоре Алиса потянулась к магнитоле и убрала музыку. Я хотела попросить оставить: молчание мешало сильнее, чем песня. Но зеленый уже загорелся, сзади коротко посигналили, и я сосредоточилась на дороге.

В лифте мы опять оказались втроем. Дима держал папку с фотографиями — успел забрать ее у Алисы возле подъезда. Я смотрела на его пальцы, на обручальное кольцо, на уголок черного картона. Все вещи принадлежали нашей жизни. Только я никак не могла найти в ней свое место.

Дома было душно. Солнечный прямоугольник лежал на кухонном столе, рядом с хлебницей сохла утренняя чашка. В четверг я купила новые полотенца, и одно, желтое, висело на ручке духовки. Заметив, что оно касается пола, я машинально перевесила его выше.

— Алиса, раздевайся, — сказал Дима. — Мы сейчас поедим.

Дочь посмотрела на меня.

— Суп в холодильнике, — ответила я.

Сказала и испугалась: еще немного, и я достану кастрюлю, поставлю на плиту, нарежу хлеб. Потом уберу посуду. Потом наступит вечер, а мы так ничего и не произнесем.

Я отодвинула стул и села.

— Разогрей сам.

Дима снял часы. Медленно положил их возле чашки, будто этот разговор требовал точности движений.

— Конечно. Я не говорил, что ты должна.

Алиса ушла в свою комнату, не сняв куртку. Через секунду вернулась, повесила ее в прихожей. Мне мучительно захотелось обнять дочь, уткнуться в знакомый запах ее волос и сказать, что все сейчас закончится. Вместо этого я смотрела, как она уходит снова.

Дима достал кастрюлю.

— Сколько ему лет?

Он остановился спиной ко мне.

— Лена, давай сначала…

— Сколько?

— Пять.

На плите щелкнула ручка. Он включил не ту конфорку и переставил кастрюлю.

Пять лет. Я попробовала представить это число как время. Не смогла. В голове возникали только чужие руки с синей краской и мужской голос: «Ну что, Мишутка?»

— Когда родился?

— В феврале.

— Какого числа?

— Восьмого. Лена, зачем тебе сейчас дата?

Я подняла на него глаза.

Дима отвернулся к плите.

— Восьмого февраля двадцать первого, — повторил он уже тише.

Я положила ладони на стол. Кожа прилипла к гладкой поверхности. Вот теперь появилось время: ковидные ограничения, дистанционные совещания, Алиса в четвертом классе. Мы выбирали ей новый письменный стол. Он еще спорил, что белая столешница непрактична.

Его сын уже родился, а мы спорили о столешнице.

— Ты узнал сразу?

— О беременности — да.

— И признал его?

— Это мой ребенок.

Так просто. Даже с упреком, будто мне следовало знать: порядочный мужчина не отрекается от своего ребенка.

Я провела ладонью по лицу.

— А я кто?

Дима оставил половник и подошел ко мне.

— Моя жена.

Он попытался положить руку мне на плечо. Я отодвинулась вместе со стулом. Ножки резко скрипнули по плитке.

— Не трогай меня.

— Хорошо.

Он отступил. Посмотрел в сторону коридора, понизил голос:

— Давай без крика. Алиса дома.

— Я не кричу.

Впервые я заметила, как удобно он это делал: предупреждал меня о том, чего я еще не совершила. И я должна была следить за собой, а не спрашивать его.

— С какого года?

— Что именно?

— Вы с Вероникой. Не заставляй меня каждый раз объяснять вопрос.

Дима сел напротив. Между нами осталось пятно солнца, край хлебницы и часы, которые он почему-то придвинул к себе.

— С девятнадцатого.

Я кивнула. Получилось даже спокойно.

— Летом?

Он не ответил сразу, и этого было достаточно.

В августе девятнадцатого мы отмечали десять лет брака. Я заказала столик на веранде, потом перенесла бронь на час, потому что у Димы задержалась консультация. Он приехал с серьгами. Я носила их сегодня. Маленькие золотые кольца, удобные, ни за что не цеплялись.

Я сняла одно, потом другое и положила возле его часов.

— Лена, не надо этих жестов.

— Убери их.

— Ты сейчас придаешь значение вещам…

— Убери.

Он взял серьги. Сжал в ладони, не зная, куда деть, потом положил в карман брюк.

Из комнаты Алисы донесся скрип колесиков кресла. Дима обернулся на звук. Я смотрела на человека, с которым семнадцать лет ложилась спать, и пыталась понять, как он добирался отсюда до другого дома. В какое время. Под какой предлог. Где парковал машину. Знал ли сосед у Вероники, как его зовут.

— Ты жил у нее?

— Нет.

— Ночевал?

Он сцепил руки.

— Бывали обстоятельства.

— Я спросила, ночевал ли ты у нее.

— Да.

На плите начал кипеть суп. Дима встал выключить его, и меня вдруг затошнило от запаха укропа. Я готовила этот суп вчера. Думала, на выходных будет меньше возни.

— В командировках, — сказала я. — На дежурствах. На консилиумах.

— Не все было ложью.

Мне захотелось швырнуть в него чашку. Так резко и ясно, что я убрала руки под стол.

— Это должно меня утешить?

— Я пытаюсь тебе объяснить. У меня есть работа, семья, обязательства. То, что произошло с Никой…

Он осекся. До этого на работе я слышала от него только «Вероника Сергеевна» или «Лебедева». Ника оказалась человеком из его домашней речи. Как Лен, как Алис, как маме позвони.

— Что произошло с Никой? — повторила я.

— Я не собирался уходить от тебя.

Я ждала продолжения. Он принял мое молчание за возможность договориться.

— Мы столько прожили вместе. Построили клинику. У нас дочь. Ничего из этого я не перечеркивал. Ты не можешь сказать, что я вас бросил.

— Не могу, — согласилась я. — Ты приходил домой.

— Я не только приходил. Я был с вами.

Он сказал это с искренним раздражением, и именно оно наконец помогло мне услышать его. Дима не считал себя ушедшим. Он работал, оплачивал покупки, приезжал на родительские собрания, если я заранее напоминала, и жил в нашей спальне. Видимо, для него этого хватало, чтобы оставаться верным основной части своей жизни.

— Сегодня я могла приехать в половине первого, — сказала я. — Как обещала. Тогда мы вместе посмотрели бы фотографии. Поехали бы обедать. Что было бы завтра?

Он опустил глаза.

— Ты собирался мне сказать?

— Собирался.

— Когда?

— Я искал момент.

— Пять лет?

— Не ставь вопрос так.

Я засмеялась. Коротко, неприятно даже для себя. Он потер лоб.

— Миша не виноват. Он маленький. Я не могу просто исчезнуть из его жизни.

— Кто просит тебя исчезнуть?

— Ты сейчас злишься на всех.

— Дима. — Я подождала, пока он посмотрит на меня. — Я спрашиваю о тебе и о женщине, с которой ты спишь. При чем здесь ребенок?

В кухню вошла Алиса. Без телефона, с пустой бутылкой в руках.

Мы замолчали так дружно, словно она застала нас за тем, что нельзя было видеть.

— Я воды наберу, — сказала дочь.

— Возьми стакан, — ответила я.

Она достала стакан. Налила из фильтра, выпила половину, потом еще. Дима поднялся.

— Суп будешь?

— Нет.

— Ты с утра почти не ела.

Алиса пожала плечами.

Я посмотрела на часы: почти три. Подумала, что надо предложить ей хотя бы бутерброд, и разозлилась на себя за эту мысль. А потом на злость. Дочь действительно не ела, а наш разговор не отменял обеда.

— Там сыр есть, — сказала я. — И помидоры. Если захочешь, сделай себе.

— Я поняла.

Алиса осталась у холодильника, явно не зная, можно ли уйти. Дима взял нож.

— Я сам.

Она позволила ему нарезать хлеб, но тарелку унесла в комнату. За закрывшейся дверью я услышала, как повернулся ключ. Раньше она запиралась только переодеваться.

Я встала и открыла окно. У соседей сверлили стену. Обычная суббота, кому-то хотелось поскорее закончить ремонт.

— Мне нужно понять, что ты предлагаешь, — сказала я, не оборачиваясь.

— Не рушить все на эмоциях.

— Конкретно.

— Остаться дома. Пережить это. Я понимаю, тебе нужно время. Мы можем куда-нибудь уехать вдвоем.

— А Вероника?

— Я с ней поговорю.

— О чем?

— О том, как теперь все организовать.

Я повернулась. Дима смотрел настороженно, словно опасался, что выбрал неудачное слово.

— Ты собираешься продолжать с ней встречаться?

— У нас сын, Лена.

— Я спрашиваю не о встречах с сыном.

— Я не могу сейчас разложить по пунктам всю дальнейшую жизнь.

— Мою ты уже разложил. Я останусь дома, переживу, мы куда-нибудь съездим.

Он потер ладонью шею под воротником. Краска на синей ткани уже высохла. Я не могла отвести взгляд от этого пятна.

— Ты хочешь, чтобы я немедленно выбрал? После такого дня?

— Я хочу, чтобы ты ответил на вопрос.

— Не надо ставить меня перед ультиматумом.

Я больше не спрашивала.

До вечера оставалось несколько часов. Их нужно было как-то прожить в квартире, в которой каждую вещь мы выбирали вместе. Я вышла из кухни, взяла из шкафа чистую наволочку и стала искать запасное одеяло. Оно лежало на верхней полке. Достать его с пола не получалось.

Дима пришел следом и поднял руку.

— Я достану.

— Достань.

Я отошла. Он положил одеяло на край кровати и остался стоять, пока я натягивала наволочку.

— Мне уйти в гостиную?

— Да.

— Может, тебе будет спокойнее, если я вообще…

— Решай сам.

Он взял зарядку, футболку и домашние брюки. Значит, сегодня он никуда не собирался. Будет спать через стену. Утром воспользуется нашей ванной, и я услышу, как гудит его электрическая щетка.

Меня накрыло уже после того, как он вышел.

Я села на пол возле кровати, спиной к шкафу, натянула на колени край покрывала и заплакала, зажав рот ладонью. За стеной передвинули стул. Я прислушалась и от этого разозлилась еще сильнее: даже сейчас следила, не слышно ли меня, не придется ли объяснять, почему мне плохо.

Он все-таки постучал.

— Лена?

Я молчала.

— Тебе принести воды?

— Уйди.

Шаги удалились. Потом в гостиной включился телевизор, сразу стал тише. Вечер продолжался без моего участия.

Около десяти я вышла почистить зубы. Алиса сидела на кухне над тетрадью. Перед ней стоял чай, на блюдце лежала засохшая корка бутерброда. Я остановилась в дверях.

— Задачку не могу, — сказала она, хотя я ни о чем не спрашивала.

— По алгебре?

Она кивнула.

Раньше я села бы рядом. Мы вместе вспомнили бы формулу, потом все равно нашли объяснение в интернете и посмеялись над тем, как мало я помню из школы. Сейчас цифры перед ее локтем расплывались.

— Я сегодня не помогу, Алис.

— Я не прошу.

Она сказала слишком быстро. Я дотронулась до спинки ее стула, но не до нее.

— Попробуй утром. Ты устала.

— Хорошо.

Когда я уже уходила, она спросила:

— Ты завтра будешь дома?

— Буду.

Дочь закрыла тетрадь.

Ночью я нашла восьмое февраля в старой переписке. Не собиралась искать доказательства. Просто дата не отпускала, и я открыла сообщения мужу, набрала в поиске название города, куда он тогда ездил консультировать.

«Как доехал?»

«Нормально. Потом позвоню».

В тот день у Алисы разболелся зуб. Мы ездили к стоматологу после школы; на улице шел мокрый снег, дочь обижалась, что я не дала ей съесть шоколадку до приема. Я написала об этом Диме. Он ответил вечером: «Молодцы, что не затянули».

Под сообщением была моя фотография — Алиса на заднем сиденье прижимала к щеке ладонь и смешно делала сердитые глаза. Я снимала ее на светофоре, хотела развеселить мужа после тяжелого дня.

Возможно, он открыл фотографию возле другой машины. Или в коридоре роддома. Или позже, когда уже увидел сына. Я не знала и впервые заставила себя не придумывать подробности. Достаточно было того, что я писала ему про зуб дочери, а он знал: у нее появился брат.

Я закрыла переписку. Через минуту открыла снова, дошла до даты и сделала снимок экрана. Потом удалила его. Мне не надо было доказывать себе, что это произошло.

В половине третьего за стеной кашлянул Дима. Я потянулась к стакану на тумбочке. Он оказался пустым. Я лежала и думала, что утром нужно купить молоко, потому что оставшегося не хватит на кашу.

Эта мысль была такой нелепой, что я снова расплакалась.

Я не знала, кем буду через неделю. Будет ли у меня эта кровать, эта работа, привычная фамилия на дверной табличке. А в голове оставалась маленькая обязанность: купить молоко, иначе утром кто-то расстроится.

В семь я встала и сварила кофе без него.

Дима еще спал в гостиной. На диване он всегда вытягивался неудобно: ноги упирались в подлокотник. Раньше я бы принесла ему подушку поменьше. Теперь прикрыла дверь, чтобы не разбудить звоном чашки.

Алиса появилась через несколько минут. В длинной футболке, с отпечатком подушки на щеке. Она оглянулась на гостиную и села напротив меня.

— Ты спала? — спросила я.

— Немного.

— Чай сделать?

Она покачала головой. Посмотрела на мою чашку, потом на телефон, лежавший экраном вниз.

— Мам, ты уйдешь одна?

Я поставила чашку.

— Куда?

— Ну… отсюда.

Я еще не говорила об уходе. Значит, они обсуждали это без меня. Или дочь просто понимала больше, чем я хотела ей позволить.

— Я пока не знаю, где буду жить, — ответила я. — И не буду делать вид, что все решено.

— Но ты уйдешь?

Мне хотелось сказать: нет, конечно, я здесь, я никуда от тебя не денусь. Потом я увидела, как напряженно она ждет, и поняла, что она услышит в этих словах обещание остаться с Димой.

— С папой так, как раньше, я жить не смогу. А с тобой мы отдельно поговорим. Ты моя дочь, Алис. Что бы ни было между мной и ним.

Она стала ковырять ногтем шов скатерти. Эта привычка была у нее с детства. На семейных праздниках под ее местом постоянно распускались нитки.

— Я тебе вчера не ответила.

— Я помню.

— Я не знала, как… Папа сказал, он сам.

Из гостиной донесся шорох. Мы обе посмотрели туда, и мне стало страшно от этой общей оглядки.

— Подожди, не смотри на дверь. Что он тебе сказал?

Алиса проглотила слюну.

— Я знала про Мишу.

Я не успела приготовиться, хотя уже знала, что она скажет. За окном завелась машина. Где-то на верхнем этаже включили воду. Я слышала все эти звуки слишком отчетливо.

— Как давно?

Глава 3. Ты тоже знала

— С мая.

Я смотрела на дочь и пыталась вспомнить май. Ее контрольные, мои закупки, поездку на дачу к Диминой матери. На даче мы втроем красили скамейку. Алиса извозила джинсы, Дима сказал, что зато будет дизайнерская вещь. Мы смеялись.

— С какого мая?

— С этого, мам. Весной.

— Когда именно?

— Двадцать второго. В пятницу.

Она помнила число. Значит, у нее тоже был день, после которого прежние дни стали другими.

Алиса подтяну

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.